

УДК 94(47).084.8
ББК ТЗ(2)622-2

ГСНТИ 03.23.55

БАК 07.00.02

Н.Н. Мельников

Екатеринбург

МОЛОДЫЕ КАДРЫ ТАНКОСТРОЕНИЯ: МОЛОДЕЖЬ НА ТАНКОВЫХ ЗАВОДАХ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, танковая промышленность, молодые рабочие, дезертирство.

АННОТАЦИЯ. В условиях военного времени в советской промышленности резко обострилась проблема обеспечения производства квалифицированными кадрами. В значительной степени дефицит рабочих покрывался за счет молодежи, вновь пришедшей на предприятия. Тяжелые условия труда и быта заставляли новых работников самовольно уходить с заводов. Что в свою очередь усугубляло кадровую проблему.

N.N. Melnikov

Yekaterinburg

THE YOUNG CADRES OF TANK: YOUNG PEOPLE IN A TANK FACTORY USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

KEYWORD: The Great Patriotic War, tank industry, young workers, desertion.

ABSTRACT. During the great Patriotic war in the Soviet industry, the problem of ensuring the production of qualified personnel. To a large extent, the shortage of workers was covered by young people. Difficult working and living conditions forced new workers to leave the factories without permission. This has contributed to a staffing problem.

Необходимость резкого увеличения численности рабочего класса на предприятиях военпрома в годы войны обусловила серьезные изменения в половозрастном составе работников промышленных предприятий. В связи с уходом мужчин на фронт стал более активно использоваться труд женщин и подростков. В народном хозяйстве СССР в конце 1942 г. удельный вес женщин составил 53% (против 38% в 1940 г.), а молодых рабочих в возрасте до 18 лет на производстве было занято 15% от общей численности рабочих и служащих². Но в то же время доля подростков и женщин на предприятиях НКТП была значительно ниже. По состоянию на 15 декабря 1942 г. в танковой промышленности Свердловской области трудились в основном мужчины в возрасте 18–49 лет (64,4%), а доля подростков составила всего 9,1% (6,3% юношей и 2,8% девушек), женщин – 26,6%. Примерно такое же соотношение половозрастных групп было на челябинских предприятиях Наркомата танковой промышленности (НКТП)³.

На отдельных заводах доля подростков была различной. На свердловском заводе № 76 НКТП в конце войны трудилось 915 подростков, или 13% от всего коллектива. Но если взять всех работников предприятия, стаж которых был менее 6 лет, то таких окажется 77%⁴. Это значит, что доля молодежи в танковой промышленности на самом деле была значительно больше приведенных цифр. Достигнув

Мельников Никита Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН: г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: meln2011kit@gmail.com.

Melnikov Nikita Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of RAS.

© Мельников Н. Н., 2018

¹ Статья подготовлена по Программе фундаментальных исследований УрО РАН «Урал в социальных трансформациях России XX века: специфика и идентичность исторического процесса».

² Батыров У. А. Деятельность КПСС по развитию танковой промышленности на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Челябинск, 1982. С. 79; Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970. С. 28.

³ Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 251, 253.

⁴ История дизелестроения на заводе № 76... Л. 212 // Материалы музея истории Уральского турбинного завода.

18 лет, они переставали быть подростками и переходили уже в следующую возрастную категорию. Следовательно, большей частью рабочего коллектива была все же молодежь, которая, кстати, в условиях войны получила откровенно недостаточное образование и квалификацию.

Мобилизация в армию рабочих и служащих в военные годы серьезно не отразилась на численном составе работников танковой промышленности. В оборонной промышленности и приравненных к ней отраслях тяжелой индустрии рабочие, имевшие разряд выше третьего, а также ведущие инженерно-технические работники и служащие не подлежали призыву. В армию призывались, как правило, рабочие низкой квалификации. На примере Кировского завода и предприятий Нижнего Тагила видно, что призыв в армию по численности значительно уступал другим причинам увольнения с предприятий: за данные периоды в армию ушло 10,4% и 7,3% соответственно. Тогда как основной причиной убыли работников стал самовольный уход с предприятия, или «дезертирство», как его именовали документы заводов, партийных и государственных организаций¹.

Но в тяжелом положении оказались заводы, не относящиеся к «военным» наркоматам и не имеющие такого объема «брони». Директор свердловского подшипникового завода № 6 (ГПЗ-6) Наркомата средмаша в апреле 1943 г. написал обращение в обком с просьбой посодействовать заводу и ходатайствовать перед Наркоматом средмаша о снятии с подшипникового завода «разбронирования». Завод имел бронь на 304 работника. По указанию Наркомата он должен был «разбронировать» (то есть отправить на фронт) из них 25 человек. Это количество работников (начальники цехов, инженеры, мастера, наладчики, токари и др.) являлись костяком коллектива и состояли в основном из эвакуированных. Кроме того, завод имел еще около 2 тыс. человек, которые не подлежали мобилизации и не имели какой-либо квалификации².

Уход на фронт 25 из 304 квалифицированных специалистов был катастрофичным для предприятия. Позже «разбронирование» для ГПЗ-6 было отменено Наркоматом³. В этом факте очень хорошо отражена ситуация военного времени на промышленном предприятии. Если его руководству удалось достучаться до высшего начальства и донести свою позицию, то хорошо: в армию в этом году не заберут. Но могут в следующий раз и не услышать, и завод (не обязательно ГПЗ-6) может лишиться необходимых ему специалистов. Ситуация на ГПЗ-6 была очень тяжелой: соотношение 304 квалифицированных работников и 2 тыс. «не имеющих квалификации» ярко демонстрирует, что на заводе в подавляющем большинстве трудились женщины и подростки без специального образования и подготовки.

По данным А.А. Антуфьева, уральские заводы за годы войны практически не изменили структуру рабочих по квалификационным разрядам. Автор полемизирует с исследователем И.Ф. Мартыненковым, который утверждает, что «рабочий, подготовленный в период войны и выполняющий определенную операцию на своем станке, не знал своего станка, операционного эскиза, чертежа; он не имел теоретических знаний»⁴. А.А. Антуфьев критикует точку зрения о низкой квалификации уральских рабочих военного времени и вопрошает: «Как же могли рабочие при таком уровне подготовки выпускать первоклассную военную технику?». Он считает, что «переход промышленности [...] к выпуску сложной боевой техники, выплавке и прокату высококачественных сталей повысил требования к профессиональным знаниям и мастерству рабочих, сопровождался их переподготовкой и перекалфикацией»⁵.

Однако в действительности реалии нового производства требовали совершенно иного подхода к организации производственного процесса. Западные заводы для танкового производства традиционно использовали относительно большое количество высококвалифицированных рабочих. Основной контингент рабочих довоенных Уралвагонзавода и Челябинский тракторный завод был ориентирован на крупносерийный выпуск машиностроительной продукции: вагонов и тракторов соответственно. Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ или Уралмаш) специализировался на изготовлении индивидуальных заказов. Эвакуированные кадры во многом нивелировали потребность в большем количестве рабочих высокой квалификации, но проблема оставалась все военные годы.

На заводе № 76 все военные годы постоянно сокращалась доля кадровых рабочих, ранее работавших на ленинградском Кировском заводе и свердловском турбинном заводе. Если в 1942 г.

¹ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 242, 245.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 420. Л. 164.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 420. Л. 163.

⁴ Мартыненков И. Ф. Деятельность партийных организаций Урала по закреплению кадров тяжелой промышленности в годы четвертой пятилетки // Из истории индустриализации. Свердловск, 1970. С. 72.

⁵ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 315.

их доля была 51%, то к 1945 г. она сократилась до 32%. Соответственно падал средний тарифный разряд: с 4,7 в 1942 г. до 3,5 в 1945 г. Во многом именно это привело к искусственному завышению квалификации отдельных рабочих, когда разрыв между тарифным разрядом работника и выполняемым им работами доходил до 4 разрядов. Другими словами, работу, требующую квалификации 7-го разряда, зачастую выполнял рабочий 3-го разряда¹. На дизельном заводе в 1945 г. только 3,6% работников имело высшее образование и 8,7% среднее².

В 1943 и 1944 гг. в целом по Наркомату танковой промышленности доля вновь прибывших рабочих составляла 35,0% и 31,1% от годовой численности. Для отдельных заводов этот процесс выглядел следующим образом. На Кировском заводе контингент рабочих обновился на 33,7% в 1943 г. и на 26,4% в 1944 г., на УТЗ – на 31,5% и 20,7%, на заводе № 112 – на 16,4% и 15,5%, на заводе № 174 – на 47,5% и 26,1%³ (все перечисленные заводы не меняли свою организационную структуру в 1943–1944 гг., в отличие от, например, УЗТМ – из его состава был выделен завод № 50). Имея такую огромную текучесть кадров, очень сложно было удержать относительно высокий квалификационный производственный разряд.

Поскольку какие-либо массовые выступления в военные годы были исключены, для рабочих оставался только один способ попытаться улучшить свое положение – самовольный уход с работы, который в тот момент рассматривался как дезертирство и считался уголовным преступлением. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» такой поступок карался лишением свободы на срок от пяти до восьми лет⁴.

Однако невнимание администрации предприятий к нуждам трудящихся, а вернее, невозможность в условиях войны реально удовлетворить их минимальные потребности, приводило к усилению роста числа самовольных уходов. В целом по Наркомату в течение 1943 и 1944 гг. на танковые заводы ежегодно приходило более 50 тыс. новых рабочих, но почти половина из них дезертировала! Только в первой половине 1945 г. началось значительное сокращение абсолютных показателей и доли самовольно ушедших рабочих: почти в 2 раза в годовом выражении и более чем на 30% соответственно.

Естественно, что наибольшее количество побегов совершалось с крупнейших заводов: уральская «большая тройка» (Уральский танковый завод, УЗТМ и Кировский завод), горьковский завод № 112, омский завод № 174 и т.д. Вплоть до 1944 г. лидером по этим показателям оставался челябинский Кировский завод. Только в 1945 г. он уступил это малопочетное место СТЗ. С Кировского завода в течение 1943 и 1944 гг. убежало примерно одинаковое количество: 6593 и 6675 человек соответственно. Это более половины от пришедших на предприятие за эти периоды!

Завод № 112 имел больше всего дезертиров по отношению к вновь пришедшим на предприятие. Доля побегов составила в 1943 г. 76,0% (интересно, что в целом за этот год ушло с завода на 30% больше, чем пришло), а в 1944 г. – 83,3%. Следовательно, здесь едва успевали набирать новых рабочих, как они снова разбегались! Только в 1945 г. эта тенденция была сломана, когда с горьковского и челябинского заводов сбежало «всего» около трети от пришедших, а общее количество случаев дезертирства в системе НКТП сократилось в разы.

Меньше всего рабочие стремились убежать с Уралмаша. Здесь в 1943 и 1944 г. дезертировало 34,6% и 38,8% от числа пришедших⁵. Но, видимо, в предыдущем периоде (1942 г.) доля дезертирства здесь была на уровне среднестатистических показателей по наркомату. Количество вновь пришедших было вполне сопоставимо с другими предприятиями. На нижнетагильском УТЗ, по сравнению с Уралмашем, было примерно равное количество рабочих: 20573 человек на УЗТМ и 20970 на заводе № 183 среднесписочно в течение 1943 г.⁶ А прибыло в этом же году 6631 и 7030 соответственно. В течение 1943 г. произошли важные качественные изменения в социальной политике Уралмаша, которые позволили так резко сократить долю дезертиров. В следующем году более чем в 2 раза была уменьшена потребность в новых кадрах.

¹ История дизелестроения на заводе № 76 б. НКТП. Рукопись. Л. 206 // Материалы музея Уральского турбинного завода.

² История турбомоторного завода Свердловского Совнархоза за годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рукопись. 1959. Л. 51 // Материалы музея Уральского турбинного завода.

³ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 116.

⁴ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 262.

⁵ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 116.

⁶ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 105.

Однако необходимо сделать три важных уточнения, которые несколько сгладят успех УЗТМ. Во-первых, напомним, что осенью 1943 г. из состава Уралмаша был выделен завод № 50 НКТП. Соответственно, в 1944 г. сократилась потребность в рабочих для УЗТМ примерно на треть¹. Но даже с учетом этой корреляции его работники все равно сбегали реже, чем с других заводов.

Второе уточнение более сложное и неоднозначное. Согласно отчету отдела кадров УЗТМ за II квартал 1944 г., завод по разным причинам покинули 1727 человек. Из них дезертиров было 698, или 40,4%². Приведенные данные вступают в некоторое противоречие со статистикой наркомата. Получается, что за II квартал с завода выбыла, в том числе в результате дезертирства, половина всего контингента, ушедшего с Уралмаша за весь 1944 год!

Третье уточнение. В феврале 1943 г. уполномоченный по Свердловской области Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Кулефеев обратился с письмом к председателю комиссии А.А. Андрееву и главе обкома партии В.М. Андрианову. Письмо называлось «О неправильном привлечении к уголовной ответственности по Указу Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. рабочих УЗТМ». Кулефеев обвинял руководство завода в «формальном отношении» к передаче в прокуратуру материалов на работников, самовольно ушедших с предприятия. Всего за IV квартал 1942 г. и 20 дней января 1943 г. было возбуждено 1172 дела о дезертирстве. Военным трибуналом свердловского гарнизона за этот период было рассмотрено 590 дел, из них 390 – заочно (ушедшие не были найдены). 448 человек были приговорены к различным тюремным срокам, оправданы – 4, в 77 случаях материалы были отправлены на доследование, 10 приговоров было отменено по кассации. Но, как отмечал уполномоченный, незначительное количество оправдательных приговоров объяснялось тем, что подавляющее большинство дел рассматривалось заочно³.

По данным Кулефеева, в течение IV квартала только прокуратурой Орджоникидзевского района Свердловска были прекращены дела на 40 рабочих, как не имеющих ничего общего с дезертирством. Далее он приводил множественные примеры, когда рабочих неоправданно обвиняли. Упомянем несколько таких примеров. Дело рабочего А.Г. Глушкова, которого начальник цеха № 31 «по состоянию здоровья» перевел на легкие работы в общежитие, а впоследствии сам же передал материалы на него для привлечения к уголовной ответственности за дезертирство. Точно так же были заведены дела на токаря А.А. Шибалова, ранее уволенного с завода по состоянию здоровья, и электромонтера И.А. Безуглова, переведенного на лесозаготовки. Были факты оформления привлечения к ответственности людей, находящихся «на больничном листе» или даже умерших⁴.

Отдельно Кулефеев выделял случаи с рабочими, как правило, молодыми, которые просто не могли выйти на работу. У них совершенно или частично отсутствовали верхняя одежда и обувь. Так был арестован милицией и привлечен к ответственности П.Х. Дикун. А на улице была зима. В такой ситуации часто рабочим Уралмаша, как, впрочем, и всех остальных предприятий, приходилось выбирать: или оставаться в общежитии и получить уголовное наказание, или не возвращаться из цеха и фактически там жить⁵.

Очевидно, что эта ситуация не была уникальной для Уралмаша. В подобных условиях жил весь советский тыл. В то же время даже приведенная статистика и примеры неоправданных обвинений в дезертирстве не позволяют нам утверждать, что самовольный уход с работы в годы войны не был массовым явлением.

Чаще всего бежала молодежь. Эта проблема обозначилась достаточно рано. Начальник Главного управления трудовых резервов П. Москатов указывал В.А. Малышеву, что на Кировском заводе с января по апрель 1942 г. из 1774 нарушений трудовой дисциплины на 16–20-летних приходилось 1064 случая⁶. Сам В.А. Малышев в своем приказе от 30 июня 1942 г. предписывал руководству предприятий принять срочные меры к улучшению материально-бытовых условий и условий труда молодежи. Именно эти факторы приводили к дезертирству и росту преступности⁷.

Майор госбезопасности Колесниченко, говоря о причинах дезертирства с завода № 76, выделил следующие: плохие бытовые условия, нехватка обуви и одежды, плохое питание. Основной контингент дезертиров состоял из окончивших школы ФЗО и РУ, мобилизованных по линии Наркомата обороны и из оккупированных районов (см. таблицу 1).

¹ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 116.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 640. Л. 196–197.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 413. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 9об.–10об.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 11. Л. 36.

⁷ Там же. Л. 34.

Категории дезертиров, покинувших завод № 76 в 1943 и 1944 гг., чел.*

	Возраст			Категория			Место рождения	
	До 18 лет	18-20 лет	20-50 лет и более	Выпускники РУ и ФЗО	Мобил-ые из сельск. местности	Прочие	Свердловская область	Прочие местности
1943 г. (всего 583 чел.)	272	153	158	439	111	3	101	482
1944 г. (всего 233 чел.)	89	70	74	115	78	20	25	208

* Составлено по: ЦДООСО. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 68. Л. 134–135.

Рукопись по истории завода № 76 приводит в значительной степени иные абсолютные цифры дезертирства с предприятия в годы войны. В 1942 г. с завода самовольно ушел 331 человек. Дальше показатели начинают резко расти, когда в 1943 г. дезертировало почти в два раза больше – 610 человек. В следующем году был пик уходов – 734 случая. И только в 1945 г. побеги резко сократились – 264 случая¹. Но по части анализа структуры самовольно ушедших с завода данные майора Колесниченко выглядят достоверными, поскольку подтверждаются источниками по другим предприятиям. Директор завода № 50 И.И. Лисин в октябре 1944 г. также утверждал, что бегут с предприятия в основном неместные².

Примерно такое же положение было на Уралмаше. Как мы уже видели выше, во II квартале 1944 г. завод покинули 1727 человек, дезертировали – 698. Например, следующие по численности графы: «командировки на другие заводы» и «болезнь, инвалидность» набирали по 298 и 277 человек соответственно. В основном дезертировали:

- рабочие, проработавшие менее года (413 человек) и до 3 лет (119 человек);
- молодежь до 25 лет (500 человек);
- мобилизованные по линии НКО (322 человека) и выпускники школ ФЗО и РУ (181 человек)³.

Но в 1944 г. обозначилась совершенно новая проблема, тесно связанная с темой дезертирства. К этому моменту были освобождены западные регионы СССР. Поэтому на уральские предприятия стали прибывать призывники 1927 года рождения, мобилизованные с Украины. Они, в отличие от жителей регионов РСФСР, были физически крепкими и здоровыми. Но, как утверждает источник, украинцы находились «по 2–2,5 года в оккупации», что автоматически делало их крайне ненадежными в глазах заводского руководства. Из 600 человек, мобилизованных в Житомирской области, до УЗТМ доехало только 309 человек. Из них впоследствии сбежал еще 61 человек⁴.

Видимо, подобные факты стали причиной того, что уже к концу года правительство перестало направлять жителей Украины на Урал и в другие регионы. Согласно приказу по НКПС «О перевозке мобилизованных рабочих в ноябре – декабре 1944 г.», весь контингент украинцев (52400 человек) перемещался на предприятия исключительно внутри своей республики⁵.

В течение военного времени все заводы танковой промышленности СССР находились в достаточно тяжелом положении относительно количества и структуры своих производственных кадров. Высокая текучесть в сочетании с низкой квалификацией молодых работников создавали на предприятиях условия, когда развитие производственного процесса во многом сдерживалось достаточно низким качеством основной массы работников танковой промышленности. Однако отметим, что общая квалификация и количество рабочих танкопрома находились на значительно более высоком уровне, чем в невоенных отраслях восточной промышленности страны.

¹ История турбомоторного завода ... Л. 51 // Материалы музея Уральского турбинного завода.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 640. Л. 273.

³ Там же. Л. 196–197.

⁴ Там же.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 679. Л. 39.

Источники и литература:

Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

Батыров У. А. Деятельность КПСС по развитию танковой промышленности на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1982.

История дизелестроения на заводе № 76 б. НКТП. Рукопись // Материалы музея Уральского турбинного завода.

История турбомоторного завода Свердловского Совнархоза за годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рукопись. 1959. Л. 51 // Материалы музея Уральского турбинного завода.

Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970.

Мартыненко И. Ф. Деятельность партийных организаций Урала по закреплению кадров тяжелой промышленности в годы четвертой пятилетки // Из истории индустриализации. Свердловск, 1970.

РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 11.

РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 413.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 420.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 640.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 679.

УДК 94(47).084.3

ББК ТЗ(2)613-3

ГСНТИ 03.23.55

ВАК 07.00.02

М.В. Попов¹

Екатеринбург

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ В 1920-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная политика, производство алкоголя, продажа алкогольных напитков, борьба с пьянством, алкоголизм, антиалкогольная агитация, антиалкогольная пропаганда.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются различные точки зрения у руководства страны на антиалкогольную политику государства в 1920-е гг., освещены мероприятия Советской власти по административному регулированию производства и продаже спиртных напитков, борьба с самогонварением, против пьянства различных слоев населения, проведение антиалкогольных агитационных и пропагандистских кампаний.

M.V. Popov

Yekaterinburg

STATE ANTIALCOHOLIC POLICY IN RUSSIA IN THE 1920s YEARS.

KEYWORDS: State policy, production alcoholic drinks, sale of alcoholic drinks, struggle with alcoholism, alcoholism, anti-alcohol agitation, anti-alcohol propaganda.

ABSTRACT. The article analyzes the different views of the country's leadership on the anti-alcohol policy of the state in the 1920s, highlights the measures taken by the Soviet government to regulate the production and sale of alcoholic beverages, fight against brewing, against drunkenness of various strata of the population, and conduct anti-alcohol propaganda and propaganda campaigns.

В различные периоды отечественной истории отношения населения к употреблению спиртных напитков находилось, а иногда и частично определялось государственной антиалкогольной политикой. Это связано с особенностями истории страны, где государство играло особую роль. Политика эта была противоречива и в дореволюционный период: от широкой продажи водки на рубеже XIX-XX вв. до «сухого закона» периода Первой мировой войны. Объяснения следует искать в особенностях социально-экономического развития страны, осуществляющей модернизацию.

Попов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: m-v-popov@yandex.ru.

Michael. V. Popov, Doctor of History, Professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University.

© Попов М. В., 2018